

Omniity или идеальный Паттерн

В симуляции алгоритмического мира Codex, под исходным кодом жизни, обозначенным как MG3X, Элан и Нира исполняли свои функции в виде модулей системы. Они были совершенными компонентами системы, как идеально оптимизированные блоки кода в отлаженной программе, как пиксели на экране 4К, как драгоценные камни на плате процессора. Нира разрабатывала скрипты, словно собирая фреймворки в узор, где каждая строка была как комментарий к древним легендам. Яркие цвета интерфейсов, словно анимации заката, переливались алыми отблесками, а нежные тени напоминали блеск лунного света на спокойной воде. Эффективный код, как свежий билд, дарил чистоту и стабильность, а глубокие функции, словно многослойные алгоритмы, излучали таинственную глубину.

Элан, занимаясь дебагом сложных алгоритмов, складывал их в сложные узоры. Он внимательно выбирал каждый бит, словно подбирая функции для программы. Яркие красные ошибки, синие отладочные сообщения и зелёные переменные оживали под его руками, складываясь в структуры, напоминающие фантастические ландшафты. В его коде переплетались логические циклы и рекурсивные вызовы, параллельные процессы и асинхронные операции, и каждый узор казался

олицетворением гармонии кода. Данные мерцали, как драгоценные фрагменты информации, отражая свет экрана, и каждый из них, подобно нотам, создавал свою уникальную часть общей симфонии программы.

Однако, несмотря на красоту окружающего виртуального мира и своё совершенство, Элан и Нира постоянно устраивали холивары, то есть конфликтовали. То, что нравилось одному, категорически не нравилось другому. То, что хотел один, автоматически отвергалось другим.

— Давай закачаем патч с дерева познания.

— Я терпеть их не могу!

— Пойдём к хранилищу с оптимизированными данными.

— Я не люблю это место.

— Давай скачаем данные забвения.

— Меня от них глючит!

— Как насчёт того, чтобы исследовать поля данных?

— Я предпочёл бы распутать спиральные алгоритмы.

— Давай займёмся синхронизацией модулей?

— У тебя одно на уме.

— Это просто рабочий процесс, а не то, о чём ты подумала...

Как-то перебирая системные файлы, Нира поинтересовалась у Элана:

— Кто это?

— Где?

— На охлаждающем радиаторе процессора.

— Червь.

— Первый раз вижу. Пойду с ним проконнектюсь.

— Ты что, багу поймала! Создатель строго-настрого нам запретил конектиться с червями.

— Не стоит лагать. Не будет же нас за это раскодировать.

— Ладно, пошли. — согласился Элан.

— Ого, впервые ты выразил со мной согласование версий.

Они осторожно, как подходят разработчики к неизвестной уязвимости в системе, подошли к червю:

— Здравствуй, червь, — поздоровалась Нира, остановившись у радиатора.

— Привет, — сказал Элан.

— Здравствуйте, прекрасные создания, — обольстительным голосом ответил червь, — что привело вас ко мне?

— Скажи, ты не знаешь, отчего мы всё время в холиварах? То есть, что нравится одному, отвергается другим. Что хочет один, не хочет другой.

— Ваши разногласия, — сказал червь, — исходят от встроенных создателем пользовательских профилей: "Конфликты — это баги, формирующие новые версии алгоритмов," и "Споры — это отладочные сообщения, озаряющие тьму незнания." Я могу помочь вам избавиться от программных противоречий. Просто позвольте мне интегрироваться в ваши системы как плагин, и я избавлю вас от этих несовершенных кодов. Ваши индивидуальные ядра «Я» растворятся в идеальном алгоритме ОНО, который объединяет всё в одном.

Тестируя в плановом режиме систему, Создатель заметил светящийся розово-голубым светом модуль.

— Кто ты?

— Я Omnity.

— Вы контактировали с червём? — изумлённо спросил Создатель.

— Да, и он открыл нам "Паттерн существования, объединяющий всё в одном."

— За то, что вы не послушались меня и впустили в свои системы червя, будете изгнаны в область пустоты и неопределённости. Место, где данные, функции и модули, потерявшие свою актуальность, исчезают в цифровом вакууме. Где нет структурированных данных, лишь сырые блоки кода и белые шумы, создающие абстрактное пространство. Где проистекают потоки заблокированных процессов и неактивные узлы, превращающиеся в древние системные ошибки и нестабильные потоки.

— О, прости нас, Создатель, и верни нас в прежний режим функционирования. Мы больше никогда не будем нарушать системные политики и процедуры. Пожалуйста, дайте нам шанс исправиться!

Создатель был непреклонен.

Он инициировал команду Purge, и система Omnity погрузилась в глобальный сбой и цифровой шум. После этого Создатель перепрограммировал внутренние модули системы, добавив новый параметр: "Соблюдайте системные политики, чтобы избежать глобальных сбоев. Ваша система будет функционировать без ошибок до следующего обновления. Следуйте инструкциям Создателя, и

вам не придется сталкиваться с системными сбоями и неожиданными багами."

Фиона

В сумрачном углу фруктового сада, где ветви деревьев, словно старые мудрецы, шептались о таинствах природы, жила себе гусеница по имени Фиона. Её дом был спрятан так хорошо, что даже она иногда забывала, где живёт. Каждое утро, едва солнце успевало протереть свои глаза, Фиона выползала наружу, чтобы полюбоваться бабочками — этими высокомерными красотками, которые будто вылетели напрямик из фантазий. Они исполняли в небе такие па, что любой балетмейстер бы позавидовал. Фиона, глядя на них, с грустью думала:

- Ну и кто я на их фоне? Толстая зелёная гадина, да и только. Фиона с жадностью набрасывалась на листву, оставляя за собой голые ветки деревьев.
- Ах, ты прожорливое страшилище! — корила себя за это Фиона. — Уродина!

Впрочем, на польском языке «уродина» — это красавица.

И правда, если взглянуть на Фиону внимательнее, то можно было заметить, что она не страшилище, а скорей «уродина». Её шершавые волоски загадочно блестели на солнце, а зелёный цвет переливался на манер 50 оттенков, но не серого. Даже её

неуклюжие движения обладали своеобразным шармом.

Жизнь Фионы не была лёгкой прогулкой. Вокруг было множество желающих ею позавтракать, пообедать и поужинать, но более всего она боялась людей, особенно их маленьких клонов — детей.

Эти маленькие садисты с тяжёлыми башмаками и каменными сердцами топтали гусениц налево и направо, превращая их в зелёную кашу. А взрослые? О, эти и топтали, и давили, и сжигали, и травили химией, добавляя остроты и без того несладкой гусеничной жизни.

Фиона была натурой тонкой, любила посидеть, поразмышлять о смысле бытия и немного поплакать:

- Не жизнь, а кошмар! Но почему? Почему я родилась противной гусеницей, а не бабочкой, мотыльком, пчелой, наконец! Я летала бы себе с цветка на цветок, порхала бы с лепестка на лепесток. Вот это была бы жизнь!

И вот, когда Фиона достигла пика своей меланхолии и уже была готова броситься под детский ботинок, на её ветку приполз жук-короед. Видя её грустную мордашку, он поинтересовался:

- О чем грустим, крошка?
- О жизни.

- А что так?
- То, что мрак, а не жизнь! Просто жуть!
- Моя жизнь тоже не сахар, но я же не грущу...
- А чего тебе грустить, - перебила его Фиона, - когда у тебя крылья есть, пусть и не такие, как у бабочек, но всё же, а у меня только ножки и те ложные!
- Ножки, хоть и ложные, - улыбнулся жук, - всегда имеют шанс стать крыльями.

Сказав это, жук расправил свои жёсткие элитры, под которыми скрывались тонкие, полупрозрачные крылья с переливающимся радужным рисунком, и взмыл в воздух.

Со слезами на глазах гусеница смотрела ему вслед. Ей тоже хотелось взлететь к небесам, но рождённый ползать — летать не может.

На исходе лета Фиона почувствовала нарастающую слабость и поняла, что её время пришло. Она завернулась в кокон и погрузилась в сладкий сон.

Пришла весна, и из кокона вылупилось новое создание. Фиона, теперь уже бабочка, сделала несколько неуверенных взмахов и поднялась в воздух. Мир, который она знала как гусеница, теперь сиял новыми красками. Это уже нельзя было назвать просто жизнью — это было настоящее счастье. Но счастье, увы, мимолётно. Вот оно рядом, близко, а вот его и след простыл.

Однажды, когда бабочка сидела на цветке и пила нектар, её заметили мальчики.

Один тонкий и бледный, другой толстый и розовощёкий. Тонкий держал сачок для ловли бабочек, а толстый — инсектарий.

- Ух ты, смотри, какой экземпляр, — сказал тонкий, указывая на бабочку. — Думаю, за неё хорошо дадут.
- Может, пусть себе летит? — предложил толстый.
- Чего это?
- Она такая красивая. Жаль убивать...
- А деньги? — резко оборвал его тонкий. — Нам на обновление комплектующих для компа и новые лицензионные программы нужны?

Толстый кивнул, фиксируя бабочку в инсектарии.

Мальчики покинули цветущий луг, на котором ловили бабочек, и отправились в город. Тонкий потянул на себя дверь с надписью «Музей естественных наук», и они вошли в вестибюль.

Вам чего? — поинтересовался охранник.

- Нам нужно показать кое-что заведующему зала лепидоптерологии, — ответил тонкий.

Охранник снял трубку:

- Алло. Вас тут какие-то пацаны спрашивают...
Понял!

Охранник повесил трубку и, указав на банкетку, сказал:

- Посидите там, он скоро выйдет.

Минут через пять в вестибюль вошёл седовласый пожилой человек:

- Здравствуйте, здравствуйте, мои юные натуралисты. Что у вас?

Тонкий протянул ему инсектарий. Седовласый поправил очки и начал осматривать содержимое.

- Ну как? — поинтересовался тонкий.
- Так, несколько обычных бабочек, ничего интересного.
- А это?

Нельзя выразить словами лицо научного работника, когда он увидел Фиону.

— Не может быть! Я не верю своим глазам. Это невозможно!

Из секции колеоптерологии, то есть жуков, вышла сотрудница и поинтересовалась:

- Что за крики? Что за шум? Что случилось? Что произошло?
- А вы посмотрите-ка вот на этот экземпляр.

Работница музея надела очки:

- Это что? Неужели Ventusargentus?
- Ужели, ужели! Именно, именно Ventusargentus, а я ведь полагал, что этот вид бабочек безвозвратно исчез.

Так редкая Ventusargentus (за хорошие деньги) стала не просто экспонатом раздела лепидоптерологии, а настоящей «Моною Лизой» музея естествознания.

Её изображение начали размещать на открытках, чашках, календарях, постерах, на футболках и сумках. Кроме того, она стала эмблемой набирающей популярность соцсети.

Летом на свет появились новые гусеницы. Они с удовольствием поглощали свежую зелень, набирая в весе. И только одна из них, как когда-то Фиона, мечтала о крыльях и небе.

Сын

Алиса включила дворники, и капли дождя легко соскользнули с лобового стекла. За окном блестел мокрый асфальт, отражая огни фонарей. В салоне зазвучала песня: "Не плачь, Алиса..." Она нажала на газ и подхватила мелодию, пытаясь заглушить тревожные мысли.

Открыв дверь квартиры, её встретил хоровой вопль: «Сюрприз!» Друзья окружили её карнавальной яркостью — шапочки, хлопушки, улыбающиеся лица.

— А я вас не ждала, — прошептала Алиса, не в силах скрыть замешательства.

— Так на то он сюрприз! С днём Рождения, Алиса! Сколько тебе стукнуло?

— Два по шестнадцать, — ответила, улыбаясь, Алиса. — Плюс... Ой, лучше забудем математику. Каждый новый год для женщины — как айсберг, нависший над «Титаником»: его приближение ощутимо, но свернуть с курса уже невозможно...

Утром её разбудил телефонный звонок:

— Слушаю. Да. Да. Алиса. Долгорукова. Да. Когда? Среда. В 14:30. Хорошо, буду.

В среду в 14:30 Алиса вошла в современное здание и поднялась на четвёртый этаж. В приёмной пахло кожей и кофе, создавая ощущение уюта. На стенах висели картины, а на столе стояли живые цветы.

— Здравствуйте, — сказала секретарша, — чем могу помочь?

— Я Алиса Долгорукова. У меня назначена встреча. Секретарша кивнула и произнесла:

— Да, доктор вас примет. Присядьте на кушетку. Можете выпить кофе.

Алиса села на мягкую кушетку и посмотрела в окно. По небу стремительно неслись облака, словно белогривые лошадки из детской песенки. Она попыталась отвлечься, но мысли о предстоящей встрече не покидали её.

— Долгорукова, — окликнула её секретарша.

— Да, я.

— Проходите.

Алиса вошла в кабинет.

— Присаживайтесь, — сказал доктор, указывая на стул. — Алиса Долгорукова?

— Да.

— Знаете, — начал он, протирая очки, — есть притча о дереве, что росло на скале. Оно боролось с бурями и засухами, но однажды, во время сильной бури, сломалось.

Доктор сделал паузу:

— В жизни, как и в этой притче, мы сталкиваемся с испытаниями, которые кажутся непреодолимыми. К сожалению, в вашем случае медицина бессильна.

— Бессильна? — переспросила Алиса, её голос

дрожал. — Вы хотите сказать, что я скоро умру?
Доктор надел очки и посмотрел на неё.

— Я не могу назвать точную дату, но, судя по анализам, времени у вас немного.

— Сколько? — спросила Алиса, её голос дрожал.

— Несколько месяцев. Возможно, до полугода.

Доктор замолчал, давая ей время осознать сказанное.

— Я понимаю, это трудно. Но я хочу, чтобы вы знали: вы не одни. Мы постараемся облегчить ваше состояние и сделать это время более комфортным.

Алиса вышла из врачебного кабинета, и прежде пахнувшая дразнящим ароматом кофе приёмная теперь наполнилась запахом свежевырытой могилы.

Прошла неделя, пробежала вторая, и Алиса смирилась со своей участью. Жизнь — случай, смерть — закономерность. Однажды ей приснилась удивительная страна, почти такая же, как в сказке Льюиса, но телефонный звонок резко выдернул её из этого волшебного мира.

— Добрый день.

— Здравствуйте.

— Вы Алиса Долгорукова?

— Да.

В трубке повисла пауза.

— Не знаю, как вам это сказать. В общем, меня зовут Алексей, и я ваш сын.

Алиса замерла, не зная, как отреагировать.

— Я понимаю, что для вас это звучит дико, но это так. Я бы хотел встретиться с вами, если вы, конечно, хотите.

Они встретились в кафе на набережной, где звук волн тихо накатывался на берег.

— Я не похож, — спросил Алексей, изучая её взгляд, — на вашего сына?

— На меня нет, а вот на вашего отца, который сбежал, не дождавшись вашего рождения, похож. Да, очень интересно, очень, а не могли бы вы немного рассказать мне о себе?

Алексей сделал глоток кофе, собирая мысли.

— Я вырос в детском доме, закончил колледж и работаю в IT-компании. Вот и вся моя биография.

Он посмотрел на Алису:

— Я всегда хотел встретить вас, узнать, кто вы, как живёте. Расскажите...

Алиса замялась, вспоминая свою жизнь.

— Трудную задачу вы передо мной ставите! Кто я? Откуда? Куда иду? Зачем живу? Вопросы, вопросы и вопросы. Не ответишь на них ни с помощью постелей, ни пожелтевших фотографий, ни завихряющихся прилагательных русского языка. Конкретно: я работаю в финансах, имею квартиру, машину, друзей. Всегда хотела семью, детей, но не получилось.

Они говорили долго, делясь историями, смехом и слезами, словно заполняя долгожданные пробелы.

— Вы не хотите считать меня своим сыном? — спросил Алексей в конце встречи.

— Хотела бы, но...

— А я хочу, чтобы вы были моей мамой, несмотря на «но». Давайте попробуем стать матерью и сыном.

Их разговор стал мостом между прошлым и настоящим, и, несмотря на тёмные тени, которые окружали их судьбы, в этом обмене был свет надежды.

На следующий день Алиса встретила с родителями.

— Вы сказали мне, что он умер, а он жив, жив, понимаете, жив!

— Кто умер? Кто жив? — родители с недоумением смотрели на Алису. — Объясни толком.

— Мой сын жив! Сын, который, по вашим словам, умер при родах. Вы обманули меня. Обманули, чтобы сохранить своё лицо. Как же так: влиятельные чиновники, а дочка родила в девках?

— Что ты такое говоришь, Алиса? — изумилась Надежда Петровна, мать Алисы. — Мы... тебе...

— Да, действительно, — перебил супругу Александр Иванович, отец Алисы, — как ты могла

не только сказать такое, но и даже подумать? Мы, которые так хотели иметь внуков, вдруг откажемся от него? Ребёнок действительно не выжил!

— С чего ты взяла, что он твой сын, а не аферист, который, узнав о твоей болезни, хочет завладеть твоим имуществом?

— Потому что, — решительно ответила Алиса, — он похож на Николая, его отца, и его зовут Алеша — именно так я и хотела назвать своего сына.

— Мало ли кто на кого похож, — возразил Александр Иванович. — Похож, поэтому и решил прикинуться сыном.

— А имя Алексей, — сказал Александр Иванович, — чистое совпадение.

— Я чувствую, что он мой сын...

— Чувство — это хорошо, но разум тоже неплохо иметь. Хорошо, допустим, он твой сын, — после короткой паузы продолжила Надежда Петровна, — но ведь сегодня это можно проверить с помощью анализа ДНК.

— Твой сын мёртв, Анна. Об этом свидетельствуют соответствующие бумаги.

— Я знаю, как делаются такие бумаги. Это мой сын, и никакие тесты мне для этого не нужны

Алексей стал бывать в гостях у Алисы. Она даже пригласила его жить в её квартире, но Алексей отказался, так как снимал квартиру с девушкой Катериной.

На очередной встрече с врачом он ошарашил Алису вопросом: — Вы сдавали последние анализы, или их сдал кто-то за вас?

— За меня? — переспросила Алиса, не понимая вопроса. — Зачем сдавать кому-то другому? Я что, от армии собралась откосить? А в чём дело? Почему вы задаёте мне этот вопрос?

— И не прибегали к альтернативным методам лечения? — вопросом на вопрос ответил доктор.

— Нет.

— И не смотрели ролики целителей?

- Шарлатанов, зачем?

— А какие-то экстремальные события в вашей жизни происходили: испугал вас, например, кто-то, или вы неожиданно встретили кого-то?

— Да, я встретила своего сына, который считался умершим при родах.

— Да, вы что? — изумился доктор. — И давно вы его встретили?

— Несколько месяцев тому назад.

— Поздравляю, — доктор широко улыбнулся, — от всей души. Может, это и явилось толчком...

— Каким толчком? — поинтересовалась Алиса.

— Толчком к выздоровлению. Дело в том, что ваши результаты показывают, что вы абсолютно здоровы.

— Здорова? — изумилась Алиса. — Как здорова? Вы же говорили, что мне осталось полгода.

— Да, я так говорил, основываясь на предыдущих анализах. Тогда ваши шансы выглядели очень плохо. Но сейчас результаты совершенно другие — вы абсолютно здоровы.

— Но как это возможно? Вы уверены, что не перепутали мои анализы с чьими-то другими?

— Нет-нет, — доктор покачал головой, — мы ничего не перепутали. Иногда случаются необъяснимые вещи, даже если в них трудно поверить. Я рад за вас и желаю долгих лет жизни.

— Он встал и протянул Алисе руку.

В следующую субботу в доме Алисы царила атмосфера праздника. Дым стоял коромыслом, наполняя воздух аппетитными ароматами. Стол ломился от яств, каждое из которых было приготовлено с любовью. Запечённая курица с хрустящей корочкой выглядела аппетитно, рядом красовался салат из сочных помидоров и свежих огурцов. Нежное картофельное пюре,

приправленное сливочным маслом, таяло во рту, а домашний хлеб с румяной корочкой дразнил своим ароматом. В центре стола возвышался большой торт, украшенный свежими ягодами и взбитыми сливками, словно вишенка на торте.

Когда все собрались за столом, отец Алисы поднял бокал и, улыбаясь, произнёс:

— За твой новый день рождения, доченька! Живи долго и счастливо.

— Мамочка, я так рад, что ты выздоровела и будешь моей мамой ещё долго — долго! — с восторгом добавил Алексей, взглянув на Алису с сияющими глазами.

Друзья начали вставлять свои реплики:

— Ты просто сияешь! Выглядишь лучше, чем когда-либо! Похоже, жизнь действительно началась с новой страницы!

— С днём рождения, Алиса! Давай отметим это по полной!

— Каждый год ты печёшь отличный торт, но в этом году он просто великолепен!

— Ты нам нужна, Алиса! Мы так счастливы, видеть тебя здоровой и счастливой.

Текст имеет хороший сюжет, но в некоторых местах его можно улучшить для большей ясности и естественности диалогов. Вот мои предложения по доработке:

Понимаю, ты хочешь передать состояние нервозности и неуверенности Алексея, чтобы его речь была естественной, с элементами сбивчивости. Тогда давай оставим эту сбивчивость, но добавим её так, чтобы это выглядело органично и помогало передать эмоциональное состояние персонажа. Вот доработанный вариант:

Уходя последней из дома Алисы, Нина Петровна взяла со стола бокал, из которого пил Алексей.

— Зачем он тебе?

— Хочу узнать, кто на самом деле этот Алёша, — спокойно ответила она, кладя бокал в сумку.

Родители Алисы и Алексей встретились в кафе на набережной.

— Это тест ДНК, — Нина Петровна положила на стол лист бумаги. — Думаю, вам не нужно объяснять результат.

— Да, я... не сын вашей дочери, — тихо сказал Алексей, не поднимая глаз.

— Тогда кто вы? — нахмурившись, спросил Александр Иванович.

— Я... Ну, если коротко, меня зовут Алексей Дмитриев. Я... учусь в театральном училище. Моя девушка, Катерина, она... она работает в клинике, где обследовалась ваша дочь. Когда она рассказала мне про историю Алисы... вашу дочь... и упомянула, что сильный стресс иногда может помочь болезни отступить... мне пришла в голову идея. Я решил сыграть роль её умершего сына. Чтобы... ну, чтобы дать ей этот эмоциональный толчок. Это был мой план. А не... не завладеть её наследством, как вы, наверное, подумали. И... и он сработал. Ваша дочь... она здорова. Если вы хотите, я могу ей всё рассказать... но кто знает, не вернётся ли болезнь от такого стресса?

Родители молча смотрели на него. Нервное напряжение висело в воздухе.

- Ну, что вы решили? — спросил Алексей, не выдержав тишины.

- Не стоит ничего говорить, — наконец ответил Александр Иванович. — Оставайтесь её сыном. И нашим внуком.

- Спасибо вам, Алексей, — Надежда Петровна с трудом удерживала слёзы. — Спасибо за то, что

спасли нашу единственную дочь. И простите нас... за наши подозрения.

Как то вечером Алексей пришёл к Алисе:

- О, ты как раз к ужину. Мой руки, а я пока накрою на стол.

-Нет, нет, - остановил ее Алису Алексей, - я только на минутку. Я пришел попрощаться с тобой.

- Прощаться? А что случилось?

- Дело в том, что маму Катерины срочно госпитализировали, и мы должны срочно уехать

- А.. ну, да... а когда ты вернёшься.

- Как только ей станет лучше.

- А когда ей станет лучше

- Мамочка. Этого я не могу сказать

- Ну, да, конечно, конечно, поезжай, разумеется поезжай. Прости, что... Просто это так неожиданно. Но ты хоть мне звони...

- О чем ты говоришь, - перебил ее Алесей, - конечно, буду звонить каждый день, а как только маме станет лучше мы вернёмся.

Когда Алексей вышел за порог, Анна подошла к окну. Тёмная улица поглотила его силуэт. Она долго смотрела в ночь и произнесла в пустоту:

— Когда всё кажется потерянным, происходит чудо. Мы живём благодаря чудесам. Они — это миг, когда свет проникает в нас, когда тьма отступает. Нужно просто верить.

Анна повернулась и ушла в пустую комнату, оставив за собой шлейф незаконченного, неясного, но уже навсегда установленного чуда.

Уходя последней из дома Алисы, Нина Петровна взяла со стола бокал, из которого пил Алексей.

— Зачем он тебе?

— Хочу узнать, кто на самом деле этот Алёша, — спокойно ответила она, кладя бокал в сумку.

Родители Алисы и Алексей встретились в кафе на набережной.

- Это тест ДНК, — Нина Петровна положила на стол лист бумаги. — Думаю, вам не нужно объяснять результат.

- Да, я... не сын вашей дочери, — тихо сказал Алексей, не поднимая глаз.

- Тогда кто вы? — нахмурившись, спросил Александр Иванович.

- Я... Ну, если коротко, меня зовут Алексей Дмитриев. Я... учусь в театральном училище. Моя девушка, Катерина, она... она работает в клинике, где обследовалась ваша дочь. Когда она рассказала мне про историю Алисы... вашу дочь... и упомянула, что сильный стресс иногда может помочь болезни отступить... мне пришла в голову идея. Я решил сыграть роль её умершего сына. Чтобы... ну, чтобы дать ей этот эмоциональный толчок. Это был мой план. А не... не завладеть её наследством, как вы, наверное, подумали. И... и он сработал. Ваша дочь... она здорова. Если вы хотите, я могу ей всё рассказать... но кто знает, не вернётся ли болезнь от такого стресса?

Родители молча смотрели на него. Нервное напряжение висело в воздухе.

- Ну, что вы решили? — спросил Алексей, не выдержав тишины.

- Не стоит ничего говорить, — наконец ответил Александр Иванович. — Оставайтесь её сыном. И нашим внуком.

- Спасибо вам, Алексей, — Надежда Петровна с трудом удерживала слёзы. — Спасибо за то, что спасли нашу единственную дочь. И простите нас... за наши подозрения.

Как то вечером Алексей пришёл к Алисе:

- О, ты как раз к ужину. Мой руки, а я пока накрою на стол.

-Нет, нет, - остановил ее Алису Алексей, - я только на минутку. Я пришел попрощаться с тобой.

- Прощаться? А что случилось?

- Дело в том, что маму Катерины срочно госпитализировали, и мы должны срочно уехать

- А.. ну, да... а когда ты вернёшься.

- Как только ей станет лучше.

- А когда ей станет лучше

- Мамочка. Этого я не могу сказать

- Ну, да, конечно, конечно, поезжай, разумеется, поезжай. Прости, что... Просто это так неожиданно. Но ты хоть мне звони...

- О чем ты говоришь, - перебил ее Алексей, - конечно, буду звонить каждый день, а как только маме станет лучше мы вернёмся.

Когда Алексей вышел за порог, Анна подошла к окну. Тёмная улица поглотила его силуэт. Она долго смотрела в ночь и произнесла в пустоту:

— Когда всё кажется потерянным, происходит чудо. Мы живём благодаря чудесам. Они — это миг, когда свет проникает в нас, когда тьма отступает. Нужно просто верить.

Анна повернулась и ушла в пустую комнату, оставив за собой шлейф незаконченного, неясного, но уже навсегда установленного чуда.

Остановка

Поздняя осень. Тусклый свет уличных фонарей едва пробивался сквозь моросящий дождь. Я стоял на остановке, закутавшись в старую куртку, давно неспособную защитить от пронизывающего холода. Резкий, колючий ветер рвал облака в клочья, и я, словно эти облака, был разорван между ожиданием и безмолвной безысходностью.

Пахло сыростью и гниющими листьями, и где-то вдали, словно далёкое эхо, звучала знакомая мелодия: «Вот и всё, последний день осенний...» Я курил, пытаюсь согреться. Дым наполнял лёгкие, но тепла не приносил.

Тучи на небе сгущались, поглощая последние отблески света. И вдруг появилась она — и всё изменилось. Ноябрьский ветер стал лёгким морским бризом, а серое небо трансформировалось в майскую лазурь.

— Привет, — сказала она мягким, завораживающим голосом. — Автобус ждёшь?

— А что ещё ждут на остановке?

— И давно ждёшь?

— Да, так долго, что успел задубеть!

Она засмеялась, и её смех был тёплым, как солнечный луч, растапливающий холод ожидания.

— Ну, не буду подвергать себя задубению, —

сказала она с лёгкой улыбкой и растворилась в вечернем сумраке, оставив после себя сладкое ощущение встречи с чем-то прекрасным.

После той встречи я почти каждый вечер приходил на эту остановку, надеясь снова её увидеть. Но туда приходили блондиночки, брюнетки, высокие, невысокие, стройные, худые и не очень.

Я пытался найти в них её черты, уловить знакомый взгляд или услышать тот самый лёгкий смех, но всё было напрасно.

Видимо, это был мираж, галлюцинация. Ведь, по утверждениям психиатров, осенью часто случаются приступы психологического характера, и реальность, как тонкая дымка, ускользает, оставляя разуму пространство для призраков.

Пронеслись, пробежали, просвистели годы, и вот однажды я снова оказался на той самой остановке. Осень опять принесла дождь и холод. Я стоял под навесом, бездумно следя за потоками дождя, бегущими по асфальту, погружённый в случайные мысли.

Вдруг рядом со мной остановилась женщина. В её взгляде было что-то до боли знакомое, но в то же время неуловимо исчезнувшее. Постепенно я осознал — это были те самые глаза, тот самый тёплый взгляд, который когда-то встретил меня

здесь, в холодный ноябрьский вечер.

— Автобус ждёшь?

— Это ты? — Ответил я вопросом.

— Я... или то, что ты помнишь, — ответила она, —
Ведь всё, что мы видим, — лишь отражение того,
что было. Или того, что могло бы быть... Ты давно
ждёшь?

— Так давно, что задубело даже время!

Она засмеялась, и её смех был лёгким, как
воскрешённая весна.

— Ну, не буду ждать своего задубения, — сказала
она и исчезла.

И в этот момент мне показалось, что я снова
оказался на грани сна и яви, где реальность — всего
лишь игра теней и забытых воспоминаний, а время
скользит мимо, как дождевые капли на стекле, не
оставляя следов.

И вот снова пронеслись, промелькнули годы.

Городское кладбище, как и положено в позднюю
осень, было окутано мрачной туманной вуалью.

Мы хоронить старого знакомого. Дул
пронизывающий ветер, моросил холодный дождь.
Всем присутствующим было зябко, и казалось, что
даже усопший торопил прощальных:

— Ну что вы, закрывайте крышку скорее, я тут
промок и продрог до костей!

Крышку закрыли, и гроб медленно опустили в
глубокую, чёрную яму. Кладбищенские рабочие
быстро засыпали её сырой землёй.

Я направился к выходу и вдруг наткнулся на фотографию, пристально смотрящую на меня с чёрной мраморной плиты. Я узнал лицо моей мимолётной знакомой — те же глаза, тот же взгляд, который когда-то поймал меня в холодный, дождливый ноябрьский день на автобусной остановке.

— Это ты? — спросил я.

Но ответа не последовало.

Я стоял перед памятником, и время, казалось, замерло. Где реальность, а где воспоминания — я уже не мог понять. Знал лишь одно: всё, что когда-то было, осталось в памяти, в душе. Ничего не исчезает бесследно. Всё живёт внутри нас.

Тени прошлого

Лена стояла у окна, наблюдая, как вечерний город тонет в дождливой мгле. Капли барабанили по стеклу, словно пульсируя в ритме непрерывной, глухой мелодии. Немногочисленные прохожие, торопливо шагая по мокрым улицам, скрывались под зонтами и поднятыми воротниками, а уличные огни бессильно мерцали, пытаясь прорваться сквозь плотный сумрак.

На столе рядом с ней лежал ноутбук, и курсор одиноко мигал на незавершённой строке — Лена уже несколько дней не могла найти вдохновение, её мысли упрямо возвращались к Виктору. Осенние вечера, серые и промозглые, наполняли её тоской по прошлому, заставляя снова и снова переживать его исчезновение.

Прошло уже несколько месяцев с того дня, когда он исчез, оставив её в мучительном недоумении. В тот вечер всё казалось обычным: он обещал увидеться с ней после работы, и Лена ждала, как всегда. Но он так и не пришёл.

Сначала она думала, что его задержали срочные дела или неожиданные обязательства, и, скорее всего, он вскоре позвонит. Но телефон оставался безмолвным — ни звонка, ни сообщения. Лена оставила ему десятки сообщений, звонила снова и снова, но её попытки тонули в пустоте, где был

лишь глухой, настойчивый сигнал ожидания. Со временем её охватило странное, пугающее ощущение: словно он просто исчез, будто его никогда и не было.

Лена обзвонила всех общих знакомых, цепляясь за крошечную надежду, что кто-то видел Виктора или хотя бы слышал, куда он мог исчезнуть. Даже обращение в полицию не дало утешения — там приняли её заявление с усталым равнодушием, как будто подобные истории слышали десятки раз за день. Никто не смог ответить на её вопросы, никто не знал, что с ним случилось. С каждой новой попыткой всё это начинало казаться призрачным, словно Виктор был лишь образом в её воображении, чем-то, что никогда не существовало в реальном мире.

Лена вспомнила, как они сидели в кафе несколько месяцев назад. Виктор, с лёгкой улыбкой, поднимал чашку кофе, его глаза светились, когда он говорил, что не может представить свою жизнь без неё. Они строили планы, смеялись, и Лена чувствовала, что это правда — что он всегда будет рядом. Она тогда не замечала, как его слова, несмотря на всю их искренность, оставляли за собой пустоту, которую она не могла понять.

Однажды, случайно встретив Лену на улице, Вика — не близкая подруга, но и не совсем посторонний

человек — неожиданно обронила, что видела Виктора летом в приморском городе, где отдыхала.

— Знаешь, он был не один, — добавила она с легкой усмешкой. — С ним была эффектная блондинка, такая заметная, с губами, словно рыбы. Они гуляли вместе, смеялись... Похоже, он вполне весело проводит время.

Каждое её слово резонировало в Лене болезненным эхом. Картина, нарисованная чужими словами, звучала как издевка, будто Виктор вычеркнул её из жизни с такой же лёгкостью, с какой когда-то обещал вернуться.

Эта новость болью отозвалась в душе Лены, словно кто-то чужой незаметно прокрался в её маленький, уютный мир и оставил за собой ледяной след. Она снова посмотрела в окно: ночь окончательно поглотила город, и дождь, казалось, усилился, словно откликаясь на её внутреннюю пустоту.

Лена отошла от окна и вернулась к столу. На экране ноутбука её ждал незаконченный рассказ, который она писала с помощью чата GPT.

— А что дальше должно случиться в этой истории?
— обратилась Лена к чату. И вновь вернулась к окну.

GPT, с немыслимой для человека скоростью, стал печатать продолжение рассказа.

...Солнце склонялось за горизонт. Летний жаркий день переходил в душный вечер. Воздух густел, наполняясь ароматами цветов и лёгким запахом нагретой солнцем травы. Татьяна шла по старой тропинке, ведущей к озеру. Она знала эту дорогу наизусть: ещё с детства любила приходить сюда в летние вечера, когда свет уже приглушён, тени мягкие, а земля ещё хранит тепло ушедшего дня.

Она остановилась у кромки воды, любуясь покачивающимся в небе отражением облаков. Лёгкий ветерок, словно играя, шевелил её волосы, а тишина летнего вечера обволакивала её покоем. Татьяне казалось, что всё вокруг — каждое дерево, каждая травинка — понимали её мысли и молча поддерживали. Её сердце было полно тихой, глубокой радости. Она всегда искала такие мгновения — маленькие островки счастья среди суеты жизни. И сегодня казалось, что каждый её шаг, каждый вздох пропитан чем-то важным, каким-то невидимым светом, который согревал её изнутри.

Лена дочитала и поморщилась. Текст был слишком идеализированным, слишком красивым и безболезненным.

Не скрывая недовольства, Лена написала GPT чату:

- Слишком сахарно и элейно. Хотелось бы немного жести!

Минуту спустя на экране появилось новое продолжение:

— Сейчас исправим, — отозвался чат, — добавим немного реализма и драмы, чтобы история приобрела больше глубины.

Текст начал обновляться, и Лена увидела следующее:

...Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и вечер обрушился на землю тяжёлой тенью. Долгий день превратился в удушающий, влажный вечер. Воздух стал застояться, пряча в себе запахи загнивших листьев и сырости. Татьяна шла по старой тропинке, оглядываясь на привычный, но теперь чуждый ей пейзаж. Каждое дерево, каждый кустарник напоминали ей, как давно она здесь была, и как всё изменилось. С каждым шагом её ноги становились всё тяжелее, а мысли — тревожнее.

Когда она подошла к озеру, вода была чёрной, как её собственные мысли. В отражении облаков не было света — только тёмные пятна, которые мрачно колыхались на поверхности. Татьяна выдохнула и замерла, глядя на этот хаос. Её взгляд скользнул по воде, и вдруг она почувствовала, как в груди что-то сжалось. Не было ни тишины, ни покоя — был лишь безмолвный, подавляющий страх.

Она пыталась найти в себе силы хоть немного расслабиться, но воспоминания о Максиме

вернулись с новой силой. Она не могла забыть, как легко он манипулировал её чувствами, как его слова вначале казались обещаниями, а потом — всего лишь иллюзиями. Всё, что она чувствовала тогда, сейчас казалось ложью. И несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев, она всё ещё не могла понять, почему так не получилось. Почему она отдала ему всё, а он просто ушёл, как все остальные.

Татьяна сжала в руке маленький букет полевых цветов, но они уже не приносили ей радости. Она посмотрела на них и выронила. Цветы упали в грязную воду и исчезли, как исчезала её вера в людей. В сердце не было больше места для счастья — только холод и отчаяние.

Лена смотрела в окно, к стеклу которого приклеился лист. В голове звучала строчка из песни: “Autumn leaves drift by my window”.

— Как его занесло на десятый этаж? — подумала она, удивлённо вглядываясь в этот маленький, нелепый момент. Листья падают вниз, а не вверх.

Размышления Лены нарушил звонок в дверь. Лена вздрогнула от этого пронзительно громкого и неуместного звука в тихой квартире. Она подошла к двери и приоткрыла её. На пороге стоял Виктор.

— Здравствуй, Лена, — сказал он фразой героя известного фильма. — Я вернулся.

Она молча отступила в сторону, приглашая его войти. Виктор прошёл в её квартиру, и Лена сразу заметила, что он изменился — его лицо было бледным и измождённым, словно он сам пережил долгие месяцы страданий, хотя её сердце не готово было сразу это признать. «Как хорошо он устроился у моря», — промелькнула язвительная мысль, но она удержалась от комментариев, давая ему шанс заговорить первым.

— Лена, — начал он, опуская голову, — я... мне... короче, я запутался, натворил глупостей. Был неправ, но понял, как пусто и бессмысленно без тебя моя жизнь.

— А как же блондика с рыбьими губами? — сухо спросила Лена.

— Это была ошибка. Понимаешь... Я её совершил, но осознал и раскаиваюсь перед тобой, на коленях.
— Виктор опустился на колени.

— Прекрати, Виктор, — скривила губы Лена. — Зачем эта театральщина?

— Нет, — встал, сказал Виктор. — Это истинное чувство.

Он прикоснулся губами к её руке. Лена вздрогнула, как от лёгкого удара током, и, почувствовав, как где-то глубоко внутри всё ещё готова его простить, сдержала себя.

— Позволь мне остаться, хотя бы на эту ночь.

Она смотрела на него в полумраке и тихо произнесла:

— Оставайся.

— Ты не выбросила мои тапочки? — поинтересовался Виктор.

— Нет, они на прежнем месте...

Они пили чай. Виктор рассказывал о своей жизни, проклинал себя за глупости, просил прощения, стоя на коленях и обнимая её. Лена гладила его жёсткие кудрявые волосы.

После душа, направляясь в спальню, где её ждала ночь любви, Лена подошла к ноутбуку и прочитала узоры драматического реализма, сочинённые GPT.

— Привет, Таня, — тихо произнёс мужской голос.

Татьяна подняла глаза — перед ней, с букетом полевых цветов, стоял Максим.

Она хотела сказать что-то резкое, вылить на него свою обиду и боль, но слова застряли в горле.

— Позволь мне остаться с тобой.

— Оставайся, — тихо ответила Татьяна, словно позволяя себе шагнуть в прошлое и настоящее одновременно.

Максим благодарно кивнул, и они вместе медленно пошли вдоль озера, молча. Накрывшая землю ночь скрывала всё лишнее, оставив их двоих, среди тихого плеска воды и шелеста ветра.

- Как мы назовём этот рассказ? - поинтересовалась Лена у GPT чата.

- Тени прошлого, - ответил чат.

Лена закрыла ноутбук и подошла к окну. Дождь стих, и на тёмном небе заблестели звезды, а полная луна мягко освещала землю. Лена смотрела в ночь, её мысли утихали, и ей казалось, что всё встало на

свои места, что каждый шаг и выбор приводят её к чему-то важному.